

ском «Ключе», и в реке Волхове), то суть поэтического действия он находит не только в «образах» водного пространства, но и в «звуках», их сопровождающих. Наряду с уже упомянутыми «глаголами времен» и «шумами водопадов» отметим, что в описании утра на Званке, опубликованном выше, именно звуки, несущиеся над рекой («там рев, бляение, ржание, топот скота, крик толпящихся по загонам гусей, там зов охотничьего рога и лай псов, там гул, бегущий по водам от рыболовов, на тысячи челнах разъезжающих и колотивших в корм свой, рыб в сети загоняющих, а также играющее эхо от пастушеских их свирелей и пение нимф»), привели его от «безмолвного радостного иступления» к «излиянию души его восторга» в стихах, следующих за прозаическим текстом.

Итак, суммируем элементы, выражающие суть творческого начала в образе поэта. С одной стороны, они связаны с рекой и всеми льющимися образами, выраженными уже в самых ранних стихах Державина.⁶¹ Они также важны в любовной лирике поэта и при создании образов женщин. С другой стороны, с источниками этих рек связан образ старца, непременно неподвижного, ведущего, по-видимому, свое начало от изображений Хроноса, из урны которого льется Время. Этот образ Державин постепенно связывает с образом самого себя, застывающего в холоде, который ему приносит старость. Все эти мотивы, наконец, совмещены в последнем его стихотворении «Река времен»:

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей
А если что и остается
Через звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы

Несмотря на общее почитание этого стихотворения среди любителей державинской поэзии, недостаточно внимания было уделено толкованию профессора М. Халле в статье «О незамеченном акростихе Державина»,⁶² да и самому акростиху. Дело в том, что в этом стихотворении действительно вплотную сошлись все зачастую подсознательные, но чаще сознательные, выражения державинских мотивов, названных выше. Здесь «река времен в своем стремленьи» не только возвращает нас к темам ранних стихотворений Державина 1767 г., но

⁶¹ В эту систему образов входит также «человеческая слеза», о которой мы не говорили в данной статье, так как она является самодовлеющим образом в сферической концепции мира и философии Державина (См об этом в статьях Левицкий, 1994 и Левицкий, 1995)

⁶² International Journal of Slavic Linguistics and Poetics S-Gravenhage, 1959 I/II P 232—236